

Авторы предупреждают, что все события, персонажи, учреждения и организации, фигурирующие в данной книге, являются вымышленными. Всякие совпадения с реально существующими лицами и прочим являются абсолютно случайными.

Пролог

сенний Питер тонул в дождях. Нудные, мелкие и морозящие, они вот уже который день не прекращались ни на минуту. Игорь терпеть не мог осени. «Тоска, неизбывная тоска, которую не разгонишь ничем — ни картами, ни вином, ни женщинами», — вспомнил он какую-то подвернувшуюся цитату, грустно глядя в окно лаборатории. Даже работать не хочется. Вот ни на полстолечка. Несмотря на возможные результаты. А результаты, доложу я вам, потянут на Нобелевку, не меньше. Да что там Нобелевка! Золотой памятник в полный рост при жизни... Правда, где тогда взять денег на круглосуточную охрану...

«Эх, братец, — укорил он себя, — зажрался ты, похоже. Хорошо завлаб не придирается по пустякам, мол, чего ты в разгар рабочего дня бездельничаешь, «мысленные эксперименты» ставишь. Хотя... То, что ничего тебя не радует и к аппарату подходить тошно, это нормально. Естественная реакция после полугода каторжного труда, когда, забыв о том, что ты вообще-то врач, а не слесарь-электрик, всюду лудил, паял, потрошил какие-то древние, пылью веков покрытые осциллографы, помнившие, наверное, еще дедушку Попова, создателя радио, не менее древние усилители и тому подобный хлам, который и электроникой-то назвать было стыдно».

В соседних лабораториях с радостно-нехорошим энтузиазмом разгребали руины забытых временем приборов, где наличествовала хотя бы самая простая электронная схема. В дело шло все. Полужившийся монстр больше всего походил на машину сумасшедшего ученого из какого-то старого фильма ужасов.

Но Игорь был убежден, что прибор живой. Он то урчал, как сытый кот, то выл, словно побитая собака, то скрежетал, точно по его железным внутренностям разом металось с полтысячи крыс. Контрольные лампочки перемигивались, как глаза стоокого Аргуса.

Дождь сильнее забился в окна.

Надо встряхнуться. Через час первые испытания. Ни кролики, ни обезьяны не годятся. Поэтому работать придется сразу с людьми. К черту осторожность. Иначе никогда не докопаешься до истины. Никогда...

Ага, голоса за дверью. Пациент прибыл. Что ж, начнем...

Игорь настроил аппарат, выбросил из головы всякие посторонние мысли и потянулся к пусковому тумблеру.

ФИКСАЦИЯ КАНАЛА ПЕРЕДАЧИ. ЛОКАЦИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ. ПРОСТРАНСТВО... СЕКТОР... СЕГМЕНТ... ОТДЕЛ... КВАДРАТ... ЕСТЬ!

Это было как яркая вспышка на сером фоне. Вспышка, за которой в бесконечность рванулась радужная сверкающая тень, разрывающая унылое однообразие беспредельности. К радужной тени со всех концов потянулись жадные разинутые пасти. Не прошло и мига, как сверкание погасло. И тогда пронесся стон — еще... еще... еще...

ЛОКАЦИЯ. КАНАЛ ПРОБИТ АБОРИГЕННОЙ УСТАНОВКОЙ. СВЯЗЬ НЕУСТОЙЧИВА. ВТОРАЯ ЛОКАЦИЯ. ТИП ЖИЗНИ: ОРГАНИКА. ТИП МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ... СВОЙ. ОТКАЗ. ВТОРИЧНЫЙ ЗАПРОС. ЛОКАЦИЯ. КАНАЛ ПУЛЬСИРУЕТ. ТИП МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ... НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! ЭТО ЖЕ ПРОТИВОРЕЧИТ ВСЕМУ, ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО О НИХ!

ИЗ ДОКЛАДА СУБЪЕКТА СЛЕЖЕНИЯ КВАДРАТА PQ-WQ ГЛОБАЛЬНОМУ КООРДИНАТОРУ.

«ОНИ ВСЕ МАТЕРИАЛЬНЫ... ИМЕЮТ ФОРМУ, КОТОРУЮ НЕ МОГУТ ИЗМЕНЯТЬ. НИКАКОГО РАВНОВЕСИЯ — НЕВОЗМОЖНО УСЛЕДИТЬ ЗА МИЛЛИАРДАМИ РЕАКЦИЙ, ПОСТОЯННО ИДУЩИХ В ЭТОМ МИРЕ. СПЛОШНОЕ КОПОШЕНИЕ МОЛЕКУЛ В ЗАМКНУТЫХ ОБЪЕМАХ. ОЧЕРЕДНОЙ НЕЛЕПЫЙ ФОКУС ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ, КОТОРЫЙ ОНИ НАЗЫВАЮТ «ЖИЗНЬ».

ОДИН ИЗ ВИДОВ ПРИМИТИВНЫХ СУЩЕСТВ — ТУЗЕМНОЕ НАЗВАНИЕ «ЛЮДИ» — ОБЛАДАЕТ УНИКАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИЕЙ, АНАЛОГОВ КОТОРОЙ НЕТ ВО ВСЕЙ ОБОЗРИМОЙ ВСЕЛЕННОЙ.

МЫ НЕ МОЖЕМ ДАТЬ ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТОМУ ФЕНОМЕНУ. ПОХОЖЕ, ЧТО КАЖДЫЙ ТАКОЙ ОБЪЕКТ — ТУЗЕМНОЕ НАЗВАНИЕ «ДУША» — ЯВЛЯЕТСЯ, ПО СУТИ, НАДПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДЫРОЙ, ЧЕРЕЗ КОТОРУЮ МЫ МОЖЕМ ВЫВЕРНУТЬ НАШУ ВСЕЛЕННУЮ НАИЗНАНКУ...

НАМИ БЫЛ ТАКЖЕ ОБНАРУЖЕН ИСКУССТВЕННЫЙ ВНЕПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КАНАЛ ПЕРЕДАЧИ «ДУШ». СОЗДАТЕЛЬ ЭТОГО КАНАЛА НЕ ПОДОЗРЕВАЕТ ОБ ИСТИННОМ НАЗНАЧЕНИИ СКОНСТРУИРОВАННОГО ИМ ПРИБОРА И ИСПОЛЬЗУЕТ ЕГО ДЛЯ КОРРЕКЦИИ ОРГАНИЧЕСКИХ ПОРАЖЕНИЙ ДРУГИХ ИНДИВИДУУМОВ. ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО КАНАЛ КРАЙНЕ НЕСТАБИЛЕН. ПРЕДЛАГАЮ ДЛЯ СТАБИЛИЗАЦИИ И КОНТРОЛЯ ЗА ВНЕПРОСТРАНСТВЕННЫМ КАНАЛОМ УКОМПЛЕКТОВАТЬ ЕГО СТАЦИОНАРНЫМ МАЯКОМ, МАТРИЧНЫМ УМНОЖИТЕЛЕМ И ПЕРЕДАТЧИКОМ... ИЗ АБОРИГЕНОВ, КОНЕЧНО ЖЕ... ПРОШУ РАЗРЕШИТЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВО НА УРОВНЕ ДО 2Е.

Часть I

Интерлюдия I

оложив оружие на колени, Вомбат с Димой сидели на пригорке, поросшем короткой колючей травой. Когда прут ядовитые лягушки, только и остается, что курить, пережидая, пока кончится это нашествие. Где-то позади тихо и зло чертыхался Цукоша, пытаясь из ошметков ботинка связать хоть какое-то подобие обуви.

Скользкие лиловато-серые твари шли плотным строем шириной метров шесть — ни перепрыгнуть, ни перешагнуть. Цукоше здорово повезло, что на нем оказались толстенные десантные ботинки. Поэтому его попытка перемахнуть лягушачью процессию закончилась только разбеденной подошвой. Можно не спрашивать, попал ли яд на кожу, — тогда минут двадцать назад все бы уже остались без врача. Собственно, любой член Команды и швец, и жнец, и на дуде игрец, но такого специалиста по местным болезням, как Цукоша, не найти ни в Штабе, ни в Поселке, ни даже в Тоннелях, где, говорят, есть вообще все, что угодно...

— Слушай, ну и какого рожна ты полез? — лениво спросил Дима, даже не оборачиваясь. Сигарета в его пальцах дымилась уже полчаса, не меньше. За это личное достижение Стармеха все курильщики Команды уважали его, словно изобретателя колеса.

— Знаешь, — признался как-то Пурген, — завидую я тебе. Экая голова! А вот у меня с логикой плохо. Я бы, наверное, только и смог бы, что какой-нибудь идиотский табачный ларек посреди леса придумать или там дерево, ну, с пачками «Родопи», значит... А у тебя просто — долгоиграющие сигареты. Здорово...

— Нет, Пургеша, — ласково возразил ему тогда Дима, — если бы у меня действительно было хорошо с логикой, я б придумал, что бросил курить.

Подошел Саня, с завистью — эх, и ловко же он! — поглядел, как кукуно выпускает кольца дыма Стармех, и от нечего делать так же лениво, как и сам Дмитрий, съязвил в сторону Цукоши:

— Да, старый, до Боба Бимона тебе как до той башни...

Трепались, убивая время ничего не значащей болтовней. Обычно же в походе говорили редко. Да и что можно обсуждать с людьми, думающими мысль в мысль с тобой, чье любое движение ощущаешь как собственное?

Ну вот, лягушки, кажется, заканчиваются.

— У-у, блин, твари, — почти ласково проводил квакуш Дима. — Отошли...

Вомбат покосился на Цукошу — кажется, тот уже в порядке. Глянь-ка, соорудил вполне приличную обмотку. Толстая. До Прорезки точно дотянет, а там старых автомобильных шин навалом. Новую сделаем.

— Давай-ка, толстый, поднимайся! — Грубовато, конечно, зато по делу. Обычный стиль Вомбата. При случае мог он приложить так, что даже у Стармеха розовели уши. Жестковатые мимолетные клички и постоянные прозвища Командира всегда оказывались настолько меткими и по делу, что мужики никогда не обижались. А иногда — например, после суточного перехода, повалившись без сил на землю в какой-нибудь особенно мерзкой дыре вроде Гнилого Подвала в Усть-Вьюрте, — даже ждали, какими греющими душу словами встретит Вомбат падающих с потолка слизняков.

Встали. Автоматы за спину. Вомбат свой карабин повесил на шею, так чтобы можно было в любой миг пальнуть от бедра. Сегодня идем почти налегке — только самый минимум продуктов. Если все окончится хорошо, назад двинем навьюченные, как целый караван ишаков.

Первым свист уловил Двоечник и, охнув, схватился за затылок. Звук начал быстро нарастать. Удача, ах какая все-таки удача, что лягушки задержали Команду на холмах. Через час мы бы уже топали по равнине, а там... На ровном месте спасения от саунд-волны, как известно, нет. Но первая же возвышенность, принимая волну на себя, гасит колебания практически без отражения. Это все, конечно, теория. А практика проста: если наверху — живо вниз! Дальше действовал уже не мозг. Тренированное тело моментально сложилось в клубок, руки втянуты в рукава, подбородок поплотнее — к груди, падаешь на бок и быстро, кубарем вниз. Голову при спуске поднимать категорически не рекомендуется во избежание расставания с оной.

Все. Доехал нормально. Целую крепко. Ваша репка. Вомбат как следует пропахал колючий склон и теперь лежал лицом в небо, очень хорошо представляя себе ощущения яблока, натертого на

мелкой терке. Покосился в сторону — на вершине холма все еще стояло зыбкое марево, совсем как над разогретым асфальтом. Тихо так. Все правильно, слух вернется минуты через три-четыре. Обычное последствие саунд-волны, но каждый раз Вомбат с трудом подавлял желание заправить обратно в уши вывалившиеся мешочки барабанных перепонок. Уж очень живо он себе это представлял.

Командир быстро огляделся, хотя чувствовал — скатиться успели все.

— Почему я не Илья Муромец? — глухо пробурчал рядом Пурген. — Давно пора с этим Соловьем-разбойником разобраться...

Шутка была дежурная, но заржали все. Далее должен был следовать отзыв. Обычно первым откликнулся Азмун, но сейчас он чего-то молчал, видно, треснулся при падении сильно. Вомбат немного подождал, приподнял голову и, дабы не нарушать традиции, отозвался:

— Да из тебя, Ленья, Илья Муромец, как из дерьма — пуля.

Тут оказалось, что традиции почитали все. Фразу одновременно и стройно произнесли три голоса. Командир терпеливо подождал, когда мужики успокоятся — последним еще несколько минут кудахтали сам Пурген, — и прежним суровым голосом скомандовал:

— Все, завязали. Подъем.

До Просеки оставалось часа полтора ходу.

Раньше это был один из самых спокойных участков, или, как говаривал Стармех, «интервалов». Позади — Вредные Холмы, на которых всегда что-нибудь да случалось (вот на сей раз звуковая атака там застала), позади — лягушки (хорошо, что лягушки... а то мог и кое-кто похуже подвернуться). Теперь топай себе, километры считай. Вот только вправо, к полям, забирать не рекомендуется. Для здоровья вельми опасно. Потому как там — малый джентльменский набор удовольствий: Бешеные Пни, Борозда, в которой кто-то живет... да такой, что встречу с ним еще никто не пережил, а кроме них, те, кто и Пней, и Борозд, и даже Горелых Вагонов опаснее, — люди. И тоже с карабинами.

Влево, впрочем, забирать тоже не рекомендовалось. Один в этих местах путь. Одна тропа. Прямоком — к Просеке. И много кто по ней ходит.

...Вомбата спасла только отточенная годами тренировок реакция. Двочник еще хлопал длиннющими ресницами, Стармех только поворачивал голову, Пурген закрывал рот, Азмун округлял глаза — а карабин в руках Командира уже коротко плюнул огнем.

Всем хороши автоматы, когда против людей. А здесь, на подступах к Горелым Вагонам, все-таки большей частью иные цели на мушку лезут. Да такие, что на них не пулька, а гранатомет «шмель» нужен. Тот, который с объемным взрывом. Бетонный гараж от по-

падания его гранатки моментом складывается внутрь, точно карточный домик. Но Вомбат никогда не изменял старому доброму «симонову». Переделан, конечно, под мощный патрон — и стальной рельс запросто насквозь прошивает.

Миг спустя судорожно закашлял десантный «калашников» доктора. Следом за ним открыли огонь Пурген и Дима. Двочник, как самый хилый, шел почти налегке. Древний «ТТ» — и все.

Из черных скользких зарослей (сколько на них солянку пополам с серной ни лей, все равно живые, гады, — мутировали) вырвались четыре мохнатых клубка. В атаку они бросились беззвучно, и Команде скорее всего тут же и настали бы кранты, если бы инстинкт Вомбата не заставил его навскидку всадить тяжелую пулю со смещенным центром тяжести (такая, попав, в кашу перемальвает внутренности) в совершенно невинную на первый взгляд кочку. Кочка взревела дурным голосом, выпростала четыре мощные кривые лапы, распахнула розовато-серую пасть с зубищами белой акуле впору и маханула прямо к обидчикам. А следом за ней — еще трое.

Группсы. Они же — медвепсы. И откуда только такая помесь могла возникнуть? А впрочем, все законы Менделя и Дарвина уже давно к черту полетели. Возьмите злобность питбулей, хитрость фокстерьеров, ум овчарок, прибавьте силу, почти равную медвежьей, впихните все это в очень крупного дога, грудь ему расширьте вдвое, дайте медвежьи когти и лапы, несообразную пасть, какую только в ужастиках увидишь, тушу покройте густым мехом (легкие пули, бывало, так в нем путались, что застревали сразу в подкожном жиру, не причиняя вреда) — и получится настоящий медвепс. Впрочем, нет, не получится. Поскольку тварь эту представить можно, лишь столкнувшись с ней нос к носу.

Вомбат стрелял, ведя ствол за ближайшим зверем. В твари уже сидело самое меньшее шесть пуль, левую часть головы разворотило в кашу, однако медвепс все еще бежал, и Вомбат знал: бестия успокоится, лишь только запустив клыки и когти в глотку убийцы или если ее попросту разорвут на куски.

Левую переднюю лапу медвепса оторвала только последняя в обойме, десятая, пуля. Рука уже сама оттягивала затвор, впихивая в пазы новую обойму, а медвепс со всего размаху хряпнулся оземь.

Еще одну тварь стреножил Стармех. Длинная очередь подрезала лапы группсу, раздробив суставы. Двое уцелевших, хрипло и яростно влаивая, отступили. Понятно: им обед на сегодня обеспечен. Свои же сородичи. Такое же мясо, ничуть не хуже человеческого...

На прощание Вомбат прицельно разнес глазницу одному из трупоедов.

Ну все, разошлись. Тот, что остался, не сунется больше. Ему там

хавки с избытком хватит. Того, одноглазого, не сегодня-завтра точно сожрет. Со стороны слепого глаза подкрадется — и привет дровосекам.

Держа оружие наготове, отступали. Двоечник отер пот со лба, заткнул пистолет за ремень.

— В кобуру убери, — строго приказал Вомбат. — Мы не в кино снимаемся!

— Ладно... все, нет их. Тот, который цел остался... ушел.

Да какой он целый! Азмун с Пургеном не меньше дюжины пуль в него всадили — и что? Покровит, покровит — и все. А потом пули сами выйдут. Или в том же подкожном жиру застрянут. Командир помнил, как одного такого «старика» им свежевать пришлось. Полсотни свинцовых дур насчитали. А бегал ре-е-езвенько!

— Р-разобрались! — скомандовал Вомбат. — Саня! Как у тебя?

— Чисто, — откликнулся Двоечник. — Песики все живое на пару километров вокруг распугали...

Что распугали — это хорошо. Значит, до Просеки можно идти более-менее спокойно. Медвепсы порой надежнее миноискателя. Значит, бродячих курочек можно уже не бояться. Да и прыгуны медвепсов за три версты обходят.

Дорога знакомая, последний раз здесь ходили неделю назад, никаких неожиданностей после группсов вроде быть не должно. Но настроение какое-то дурное. Предчувствие не предчувствие, мандраж не мандраж... Вомбат быстро оглядел ребят. Народ явно расслабился. Как и всегда после пальбы. Дима закурил свою долгоиграющую — обычно на переходе он себе такого не позволяет. Леня что-то самозабвенно жужжит Цукоше, как всегда вытягивая шею и подскакивая на ходу, словно ребенок после зоопарка. А вот Саня хмурится. Ага, тоже что-то чувствует.

— Санек. — Командир чуть замедлил шаг. Сейчас нужно говорить безразлично, даже вяло. Двоечник — человек тонкий, врубается быстро, но и паникер не слабый. А главное — ребят может завести на сорок пять оборотов. — Откуда мрак? Упал неудачно?

— Не... — Саня и так всегда скрипит, как пасту из тюбика выдавливают, а сейчас и вовсе паста кончилась. — Влево надо забирать...

Продолжения не последовало, но мужики услышали и тоже насторожились. Вчера ночью план перехода обсудили до миллиметра. Еще удивлялись, до чего ровный получился отрезок. Трехчасовой запас времени, правда, сожрали лягушки, но и до Просеки уже оставалось — чуть. Вомбат мысленно развернул карту. Нет, что-то Двоечник мудрит. Влево соваться никак нельзя. Там Новое Русло, сейчас оно как раз метрах в двухстах. Командир сам видел, что остается от человека в костюме химзащиты при падении в воду. Сам туда, конечно, не полезешь, но вот желающие помочь могут най-

тись, а самое главное, вода в Русле, похоже, живая — то и дело на берег языки длинные выбрасывает, добычу ищет. И далеко ж, бьет, зараза, выбрасывает! Бродячих курочек и группсов только так ловит. И до чего ж хитрющая! Никогда добычу без остатка не сложет, хоть чуть-чуть гнилого мяса на костях да оставит. И на берег выбросит, вроде как приманка. А курочки с группсами тут как тут... вот и тягнутся, кто быстрее... А вот на быстриков река не действует. Ни на полстолечка. Вползают, переползают, чуть ли не купаются. И вот ведь что удивительно — против того же быстрика кислотная граната — самое милое дело...

Дальше вообще атас: Железка, Гаражи, Горелые Вагоны... Чума, одним словом. И близко, отвратительно близко ТЭЦ. Вомбату вдруг показалось, что у него за щекой медный пятак.

— Влево надо уходить... — с тоскливой безнадежностью вновь проскрипел над ухом Двоечник, и только теперь Вомбат допер взглянуть вверх.

— Стоп. — Сглотнул, отметив, как закопошилась в животе изжога. — Ну, Саня, ну, ты монстр! Я ведь даже внимания не обратил на цвет тучи. Неудачный сегодня день, нехороший. Двоечник прав — сваливать надо.

Чуть повернул голову, чтобы слышали все. Не торопясь, но сжато, рублено:

— Изменения в маршруте. Уходим влево. Дистанция четыре шага. Я — первый, Двоечник за мной, Стармех замыкающий. — Взгляд Сани выражал уже полнейшее отчаяние. — Бегом.

Бежали тяжело. Казалось, уварившиеся мозги болтаются в башке, как в кастрюле. Вомбат автоматически замедлил шаг, огибая сыпучий склон. Так же, не раздумывая, прибавил скорости и с остервенением врубился прямо в черные заросли. Чуть не разордал щеку веткой — вовремя пригнул голову. Если этими черненькими веточками поцарапаешься — сепсис почти гарантирован. Если только не применить немедленной ампутации... Шучу, шучу, конечно...

Недоумение за спиной уже сменилось полным пониманием. Молодцы, даже дыхание не сбили. Ровно идут, как всегда, в ногу, что удивительно, если учесть разницу в росте Цукоши и Лени, например.

Не глядя на небо. Под ноги. Под ноги.левой. Правой. Держи темп. Не оцарапайся. Локтем сбивай ветки. Легко говорить, когда всей спиной чувствуешь белый от страха взгляд Сани и его паническое желание обогнать Командира и припустить что есть мочи — не важно куда, важно побыстрее! Спокойно, спокойно, приятель, держись в строю. Еще метров триста — и ты спасен. Кого это я угова-

риваю? Вомбат не успел удивиться своим мыслям, внезапно вылетев на открытое пространство. Заросли кончились.

Да, похоже, Трубу в этом месте здорово припечтало. Дыра на месте разрыва до жути напоминала ухмыляющийся рот. А вот чего мы не учли, так это высоты. Секунду Команда стояла, задрав головы, а через две Саня уже карабкался на плечи Азмуна и цеплял веревку за рваный, искореженный край Трубы. Командир успел последним ввалиться внутрь за несколько мгновений до того, как зашуршали первые мелкие капли. Нормально, успели. В очередной раз прошмыгнули мимо безносой старухи с косой.

— Оружие проверить! — рявкнул Вомбат.

Нельзя расслабляться. Труба — это, конечно же, не Железка и уж тем более не Горелые Вагоны, но и не считающиеся почти мирными Гаражи, где, говорят, какие-то чудики на букву «м» даже жить ухитряются. Но варежку разевать тут тоже не стоит. Ежели Ржавый Червяк тобой заинтересуется... или еще кто похуже... Тут Вомбат пожалел, что нет у них огнемета. Не дает его Квадрат, хоть плачь. И гранатомета «шмель» не дает. Вот «симонов» с мощной оптикой — это пожалуйста. И оптика притом первоклассная: как ни крути, как ни верти карабин, как ни кидай — не сбивается прицел, и все тут.

Слабенький морозящий дождик, вечная примета северной столицы, выглядел совершенно безобидно. Даже странно: с чего это пятеро здоровых мужиков отсиживаются в Трубе — чай, не сахарные. Остро запахло жареными семечками. Дождик оказался еще тем. Даже черные скользкие, ко всему привычные кусты-мутанты судорожно задержались, точно пытались увернуться от падающих с неба капель. Вомбат невольно поднял глаза. Да нет, Трубу делали на совесть. Ей никакие кислотные дожди не страшны.

— Хотел бы я знать, сколько сейчас тут пэ-аш, — мечтательно протянул Пурген, глядя на корчащиеся под дождем ветки, — интересно было б кислотность прикинуть...

— Слушай, молчи уж, исследователь хренов! — Азмуна аж перекосило от злости. — Не умничай! А если очень интересно — высунь палец, по степени ожога я тебе сам прикину с точностью до десятой.

Никто даже не улыбнулся. К тому же не факт, что Азмун пошутил.

После долгого рассеянного молчания (изредка кто-нибудь мельком поглядывал на Двоечника, пытаясь по его лицу определить, надолго ли дождь) Командир громко откашлялся, призывая к вниманию.

— Ну что, какие у кого варианты?

Сострил, называется, блин горелый. Варианты! Кое-что из се-

рии: «Вам электрический стульчик или гильотинку?» Минуты три все bestолково орало друг на друга. Многократно отраженные от стенок вопли наполнили Трубу, она загудела, задрожала и, верно, развалилась бы, не гаркни Вомбат громче всех нечто короткое и непечатное. Все. Очнулись. Заткнулись. Устыдились.

— Детки малые, — Вомбат на всякий случай решил подбавить строгости, — пионеры-скауты, «Зарницу» вспомнили? Макулатуру собираете? Саня, что там с дождем?

И без того бледное лицо Двоечника стало чуть ли не прозрачным от напряжения.

— Скоро усилится... Но тучи идут уже другие... Светлые...

С уважением поглядывая на напрягшегося Саню, Цукоша попытался выглянуть наружу. Стармех тут же рывком усадил его на место и, верно, маленько переборшил: тот въехал головой в стенку. «Бом-м-м», — глухо и долго отвечала Труба.

— Вот и половину пробило, — тихонько прокомментировал Ленья, но тут же состроил виновникам шума жутко зверскую рожу.

— Кислотную тучу уносит на север, — вдруг спокойно и бесстрастно заговорил Двоечник, полуприкрыв глаза. — Облачность плотная, там еще дня на два дождей.

— Идти скоро можно будет? — Командир и сам бы ответил на этот вопрос, но нарочно подставлял Саню. Двоечник лучше всех чувствует, что там с атмосферой, пусть и выводы сам делает — все-таки член отряда, а не барометр ходячий. Если сейчас Саня скажет, что дальше идти нельзя, нужно отсидеться, опять поднимется шум, кто-нибудь наверняка ляпнет: «А поползли-ка, мужики, по Трубе». Пусть решают. Лично я бы ни за какие туда не сунулся. Но на сей раз, похоже, другого выхода нет. Опять же мужикам в демократии поиграть приятно. «Психология», — одобрил бы Ленья.

«Слушали». «Постановили». Идем по Трубе. Следующий разрыв у нее аккурат подле Гаражей. Вомбат усмехнулся. Он даже мысленно представлял это слово написанным с большой буквы. Что подлаешь, если уже давно вереница некогда вождельных бетонных вместилищ для машин превратилась в самостоятельный географический пункт. Командир страшно гордился изобретенным афоризмом: «Чем сложнее время, тем проще названия».

Э нет, ребята, здесь порядок прохождения другой. Тут командир с шашкой наголо на горячем коне ни к чему.

— Первым пойдет Стармех. Я — за ним. Потом Пурген, Саня, Азмун — замыкающий. Объяснить? Объясняю. Хрен его знает, что там впереди, в этой железной кишке.

— Ясно что, — хохотнул Цукоша, добавив пару слов по-латыни.

— У Димы отличная реакция, к тому же у него полные карманы всяких полезных штучек, умеющих очень вовремя взрываться.

Двоечник с Азмуном прикрывают. — Остальное не для микрофона: если позади будет что-то не так, Двоечник моментально почувствует. А Цукоша помешает ему надеть глупостей. Впрочем, всему свое время. — Отдых закончить, проверить снаряжение. В случае чего огонь открываем мы с Азмуном.

Все сразу захлопотали, засуетились, потому что решить-то решили, но особой радости от предстоящего по меньшей мере километрового перехода по железному тоннелю высотой чуть больше метра никто не испытывал. К тому же о Ржавом Черве наслышаны были все без исключения. Ну и что — «раньше не попадался»? Раньше не попадался, а теперь вот возьмет и попадет! Из вредности!

Дима шел легко, профессионально плавно переходя от стенки к стенке, иногда помогая себе руками. Он здорово напоминал то ли краба, то ли паука. Несмотря на эти пижонские финты, стармеховский фонарик, не суетясь, выполнял свою работу, прохаживаясь по ржавым стенкам Трубы. Кто-то сзади сквозь зубы тянул знакомый мотивчик. Спокойно идут мужики. Правильно. Труба — она Труба и есть. Выведет куда надо. А про Червя... Так на Окраинах каких только баек не наслушаешься... А дождь и впрямь усилился. Ишь как по железу барабанит.

Железо это тоже... неправильное какое-то. Ему бы давно ржавой окалиной рассыпаться, а оно стоит себе — и хоть бы что.

Несколько мгновений Вомбат позволил себе поразмышлять на эту тему, чтобы хоть чуть-чуть отвлечься от того ужаса, что внушала ему Труба.

Настроение у Командира было прескверное. Вначале заняла шея. Еще через полчаса это ощущение переросло в уверенность, что ходить прямо больше никогда не удастся, — первый нехороший признак того, что вот-вот начнется приступ клаустрофобии. Никто в Команде не подозревал, какие муки на самом деле испытывает Вомбат, чертыхаясь в тесных подвалах, и почему, даже если рядом есть приличное укрытие, они становятся лагерем под открытым небом. Черт, Стармех мог бы идти и побыстрее! Изматывающий темп становится хоть каким-то спасением, когда низкий потолок, кажется, с каждым шагом опускается на башку.

Им так никто и не встретился. Ни мелкие змейки-ферруморки, устраивающие гнезда в проржавевших сплетениях железных конструкций, ни быстряки — тоже, бывает, в Трубу заползают, особенно если преследуют кого. Тихо-мирно, куда как благополучно, они миновали большую часть пути.

Дима предостерегающе выбросил в сторону руку и что-то негромко крикнул. Ну вот, приехали. Дно Трубы уходило вниз под приличным углом. Вомбат вспомнил, как это выглядит снаружи.

Как раз перед Старым Руслom некрутой склон, а за ним, справа, — развороченное взрывами Депо. Мужики сгрудились за спиной, пытаясь разглядеть очередной сюрприз сегодняшнего дня.

— Я предупреждал: кишка должна закончиться задницей! — рывкнул откуда-то сверху Цукоша. Остальные промолчали, явно соглашаясь с диагнозом.

— М-да. — Стармех задумчиво вытащил из рюкзака ракетницу. — Похоже на водный аттракцион. Садись в желоб, катишься вниз...

— И с радостным хохотом ломаешь себе шею, — еще более зверским голосом снова встрял доктор. — Прям Диснейленд какой-то!

Похоже, клаустрофобия чуть не сыграла с Вомбатом дурную шутку: он поймал себя на том, что и вправду готов хоть сейчас сигануть вниз, только бы поскорее выбраться из гудящего нутра проклятой Трубы. Усилиям воли отогнав волну паники, придержал руку Стармеха:

— Подожди, Дим, не стреляй. А если там тупик? Задохнуться хочешь? Или... гнездо чье-нибудь? Хоть тех же быстряков?.. Лучше погаси фонарь, попробуем вначале так посмотреть.

Стармех молча вырубил свет. Пять пар глаз уставились в темноту.

— Я, кажется, вижу... — пискнул Саня голосом Пятачка.

Точно. Внизу лежало слабое пятно серого света. Внизу. Далеко внизу. Очень далеко, черт побери!

— У кого длинные веревки? Стармех, фонарь! Цукоша, давай обвяжку. Да шевелись, аппендицит хренов! — Близкий выход вдохновил Вомбата, голос снова построжал.

Сзади завозились, толкаясь и тихо переругиваясь.

— Мужчина! Вы мне все ноги отдавили! — вдруг пронзительно, по-бабьи, заверещал Пурген. — Сколько-таки можно прижиматься? Дама, вы на следующей сходите?

Хороший Леня мужик. С юмором.

— Первого спускаю меня, — строго предупредил всех Вомбат.

Тратить драгоценную осветительную ракету он не хотел. Она у них одна... а чуёт сердце, сегодня еще понадобится. Кроме того, при запуске все вокруг окутывалось удушливым едким дымом, и уже потому устраивать фейерверки в замкнутом пространстве Трубы настоятельно не рекомендовалось. Да, Труба место не слишком опасное... Но береженого, как известно, Квадрат бережет.

Конечно, идеально было бы спустить первым Двоечника. Опасность на Краинах, как известно, может исходить не только (и даже не столько) от тех, кто бегают, ходит, летает и ползает. Есть штуки и похуже — когда не в кого стрелять и некого жечь самодельными бутылками с горючкой. Всякая бестелесная дрянь... как саунд-волна,

например, или Бледные Тени. Ох, до смерти не забыть Вомбату Француза, когда тот умирал у него на руках, а с губ, окаймленных пузырящейся, словно кипящей, кровью, только и срывалось: «Тени, Бледные Тени!» И отчаяние в уже закрывающихся глазах — что не может, не умеет рассказать чужим ему, странным русским языком... Француз тогда собственной кровью нарисовал трепещущий контур, глаза и пасть.

Три недели спустя Вомбат еле спасся, столкнувшись с этими созданиями. А потом устроили большую охоту... и нашли-таки их обиталище, старое хозяйство одной из тягловых подстанций... и Механик наспех собранным генератором инфразвука порвал с десятком Бледных Теней в ключья. С тех пор стало поспокойнее.

Да, Двоечника спустить было б идеально. Но ведь запаникует же в три секунды. Бутылочный осколок ему глазом Ржавого Червя покажется — и пиши пропало. А значит, первым пойдет он, Вомбат. Бутылку с горючкой — на пояс, карабин — на изготовку, вторая обойма в левой ладонной накладке — готов.

Когда спускаешься по Трубе, самый интересный вопрос: кто будет последним? Закрепиться здесь негде, в железо крюк не вобьешь. Чего там Стармех про водный аттракцион говорил? Сидишь в желоб... Ну-ну, кому-то сегодня придется попробовать. Как-как? — ловить внизу будем (если там, внизу, все чисто). И сразу все — на амбразуру. У Азмуна аргумент верный: последний должен хорошо держать предпоследнего. Значит, сильный и крепкий. На себя намекает. Да только как мы потом твои полтора центнера внизу поймает, приятель? Дошло? Значит, нужен крепкий, но легкий. Правильно, Пургеша, ты. Аттракционы любишь? Это хорошо. С водой, правда, в нашем бассейне загвоздка, придется на сухую спускаться, ты уж позаботься, чтоб без штанов не оказаться.

У Двоечника в рюкзаке нашелся отличный кусок плотного капрона, сделали Пургену удобный кокон, деловито начали спуск. Вомбата спустили первым. Он лежал на спине, приподнявшись, как только мог. Размытое пятно серого света приближалось.

Так, не дергайся, Командир. Если там ферруморочки наши любимые, то кидай бутылку. Если быстряки — кислотную гранату, вот она, на правом бедре подвешена. Если паче чаяния группсов занесло, то пали без устали. И... моли местного Окраинного Бога, чтобы мужики не начали поливать тебя сверху свинцом, как бы старайся помочь...

Его уже опустили почти до самого низа, когда Вомбат щекой вдруг почувствовал идущее откуда-то тепло. Приятное такое, мягкое, совсем не опасное... В следующий миг наверху что-то истонно завопил Двоечник. Вомбат понял все сразу — руками, мускулами, инстинктами, но не разумом. Разум отчаянно восставал. «Такого не

может быть!» — верещал он, этот разум, еще не сознавая, что через миг он может превратиться в самую что ни на есть грубую протоплазму.

Вомбат выпалил вниз не глядя. Раз, другой, третий. И только после этого увидел, как дрожит горячий воздух над докрасна раскаленным железом. Волна сухого жара окатила его с ног до головы.

Труба лопнула. Через острые, пышущие огнем края разрыва внутрь полилась бесформенная серая масса, пучающаяся, пузырящаяся, наполняющая воздух нестерпимой вонью. Пули одна за другой впивались в тушу Ржавого Червя без всякого видимого результата. А серое тело легко и как-то очень неприятно быстро заскользило вдруг вверх, к ногам Вомбата.

Ну, дружочки-молодцы, теперь только бы у вас нервишки не сдали и не начали вы меня выдергивать. Ржавый Червь чует движение, как ни одно живое существо на Окраине. Чует и бросается вслед.

— Не дергаться там, наверху, мать вашу! — заорал Вомбат.

Обойма опустела. Так, пошла вторая. Открыть затвор... рвануть клапан... вставить обойму... вогнать патроны в магазин... закрыть затвор... все!

И вновь загремели выстрелы. Смертельный номер, черт побери. Так, ну, наверное, хватит... Вниз кувыркнулась кислотная граната. Раздалось громкое шипение. Его сменил пронзительный свист. Хлопнуло, точно рванул громадный воздушный шарик. Трубу окатило липкой вонючей дрянью. Вомбат брезгливо поддернул ноги.

Все, конец, погашен свет, и клоуны усталые уснули... Там, наверху, похоже, тоже. Придется взбодрить.

— Эй! Держальщики хреновы! Шевелиться будем, нет?

Труба вмиг наполнилась заполошными воплями. Понятно-понятно. Отец Командир чуду-юду сразил. Веселитесь.

— Меня поднять! Пару зажигалок приготовить! — И, когда по Трубе прогромыхали вниз два темных предмета, сам кинул бутылку с горючкой. Вспыхнуло так, что стало больно глазам.

Раствори меня быстряк, что там может так гореть, не кишки же Ржавого Червя, на самом деле?! Впрочем, сия иллюминация — ненадолго...

Команда остолбенело пялилась вниз. Никто, даже самый бывалый из всех Дима-Стармех, ни разу не видел, как польхают останки Ржавых Червей. А вот он, Вомбат, видел... теперь уже трижды. Первый случай стоил пяти жизней. Второй — одной. Ну, а на третий мы уже в плюсе.

— Как ты сумел, как ты сумел? — позабыв о застенчивости, тормошил Командира Двоечник.

Как, как... каком кверху. Квадрат ведает, сколько народу искать

Врата отправилось, прежде чем поняли: ни бензин, ни пули, ни водка царская по отдельности Ржавого Червя не возьмут. Расстреляй ты его хоть из четырнадцати с половиной миллиметрового станкача — ему хоть бы хны. Утопи его в цистерне с кислотой — всплывет, удовлетворенно облизываясь. Залей бензином (да что там бензином — напалмом!), подожги — ему и то нипочем. А вот если его шкурку как следует пулями продырявить, а потом кислотную гранату кинуть, то очень даже ничего получается. Правда, внутренности червячка нашего тебя все равно схарчить попытаются, но тут уж бензинчик в самый раз оказывается...

— Bravo- bravo, ну что вы, право, — огрызнулся Вомбат в ответ на восторги Команды. Дети, е-мое. — Отставить эту похабень! Сейчас остынет — спустимся...

Так и случилось. Первым слез сам Вомбат (мало ли чего), потоптался по жирному пеплу; за ним двинулись остальные.

И все бы, наверное, закончилось хорошо — держали, страховали, пружинисто прыгивали на землю один за другим, палатку свернутую положили на нижний рваный край Трубы, — если бы не повело Леню так сильно вбок у самого выхода. И скорость-то не такая уж большая была. Командир успел заметить, как Пурген инстинктивно выставил руки вперед, пытаясь схватиться за край (зачем, Господи, зачем?!). Зацепился, неуклюже переломился в спине и рухнул на Стармеха.

Когда Леню поднимали, Вомбат почувствовал, какой горячий капрон у него на спине.

— Да осторожно, вы! Не ворочай, клади на землю! Аптечку давай! — орал Цукоша, крепко держа Пургена за руки и стараясь остановить кровь.

Изящные бледные ладони физика-теоретика превратились в искореженные лапы. Несколько минут Пурген лежал без сознания, потом пришел в себя и начал биться.

— Держи! — гаркнул Азмун что есть мочи, обращаясь ко всем сразу. Нашел глазами Командира, молча показал: перехвати запястья, открыл аптечку.

Дальнейшее происходило молча, но очень сумбурно. Леня отбивался, как дикий зверь. «Шок», — подумалось Вомбату. Саня с Димой пытались сесть пострадавшему на ноги, Цукоша плясал над ним со шприцем, поскальзываясь на мокрой траве. Кровищи вылилось просто море. Поэтому, когда наконец Пургена заломали, вкололи успокоительное, противостолбнячное и перевязали руки, видок у всех был — закачаешься.

— Как думаешь, позвончик цел? — тяжело сопя, спросил Стармех, сидя на корточках.

— У кого? — поднял брови Азмун. — У этого шайтана? Извини,

Дима, за всю свою богатую практику ни разу не видел, чтобы человек с переломом позвоночника так сильно и метко лягался. Ты лучше скажи: у тебя кость цела?

— Ну, жлобы... — Саня был возмущен до предела. — Тут такое несчастье, а вам — шутки...

— А ты поплачь, — сквозь зубы проскрипел Дима. Не любит он Двоечника, что тут поделаешь.

Вомбат уже повернулся, чтобы вмешаться, но споткнулся взглядом о лицо Сани. Это не дождь. Парень, оказывается, ревет в три ручья. Вот те на! Привал нужен, срочно нужен привал. И желательное под крышей. Хорошо, что Гаражи уже совсем рядом.

— Встали. — Нет, ничего не добавил, хотя чесался язык приложить кого-нибудь, хоть бы Червя или Трубу эту проклятую.

Осень, черт, темнеет быстро. Пока нашли пристойный Гараж, вообще ни хрена не стало видно. Сунулись в один, в другой: кто-то до нас постарался — так уделали, не войти. Даже трупак в углу валяется. Собаки пробежали. Дикие. Но пуганые. Обычные собаки, без выкрутасов. Стармеха пришлось немного приструнить, а то бы всех перестрелял. Пурген еле ноги волочит; как только остановились, свалился на пол и затих. Правда, потом к костру подобрался, Саня его чаем поил.

Черт, ну и походик! Давно такого не было. Лягушки, саунд, группы, дождь кислотный, а в довершение всего Ржавый Червь! Тьфу, пропасть... Если бы не Назгул да Француз-покойник, царствие ему небесное, нипочем бы не узнал, как с этой тварью справляться.

Вомбат сидел у выхода из гаража, курил вечернюю сигарету и глядел в сторону Города. Темно. Раньше ведь как бывало: ночью в чистом поле станешь, по сторонам посмотришь, сразу ясно, где Ленинград: засветка на полнеба. Как там сейчас, интересно? Надо завтра у Зеленого спросить. Он в Город шастает. Вот и в этот раз — задание, говорит, из самого Центра. Господи, какой Центр? Так, разношерстная команда, пытающаяся взять на себя управление ошметками населения. Хотят вытащить из метро стратегические запасы, да вот на проблему напоролись. Вомбат усмехнулся. Вспомнил, какие страшные глаза сделал Зеленый в этом месте своего рассказа.

— Там крысы водятся...

— Размером с корову! — предположил Вомбат.

— Нет, с виду обычные. Железа у них какая-то специальная появляется. Наркотики вырабатывает.

— Как это — наркотики? — Командир поморщился: очередная байка. Таких бредовых историй сейчас тьма-тьмуца гуляет. Жаль только, что половина из них правдой потом оказывается.

— А так: пробежит такая мимо, приснет из этой железы — у тебя и крыша поехала...

— Галлюцинации?

— Ну.

Мужики пока этих подробностей не знают. Завтра утром Командир встречается с Зеленым и с кем-то из пресловутого Центра. Обещали противогазы и карту тоннелей метро. Разберемся. Пургена придется оставить здесь. Будем для важности считать, что эта загаженная дыра — наш базовый лагерь. Все ж Гаражи. Не Труба и, уж во всяком случае, не Железка. Не говоря уж о ТЭЦ.

Вомбат подошел к Диме. Рядом спал Леня, постанывая во сне, бережно положив на пол замотанные бинтами руки.

— Подъем! — Стармех проснулся моментально. — Дежурить. — Передал часы, засомневался, не покурить ли еще раз перед сном, да раздумал. Завтра день обещает быть трудным.

Интерлюдия II

— Оксана Сергеевна, вы меня слышите?

— Да.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо.

— Голова не кружится?

— Голова... Немножко... В ушах шумит...

— Расслабьтесь. Вспомните, как это было в прошлый раз. Дышите глубоко. Слышите музыку?

— Нет... То есть... Да...

— Сосредоточьтесь. Вы знаете, куда отправляетесь?

— Да.

— Думайте только об этом. Приготовились. Я начинаю считать. Когда я назову цифру «пять», вы крепко заснете. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

В углу детской мягко-мягко мерцает маленькая лампадка. Застыли образа в дорогом золотом окладе. Очень-очень дорогом. Няня, правда, этого не одобряет и ворчит — мол, на такие деньги... и начинает перечислять, что можно было бы сделать на такие деньги. Но тут слушать ее становится совсем неинтересно, потому что говорит она про надоевшие еще в гимназии «штуки ситца» и тому подобное.

За окном — осень... октябрь. Тяжелые розовые шторы с кистями задвинуты неплотно; в узкую щель пробивается свет мотающегося на ветру уличного фонаря. Дождь... Моросит, окутывая фонарь об-

лаком серебряных искр. Тихо. В двухэтажной квартире красивого дома на Большом проспекте Петроградской стороны все спят. По соседству с детской похрапывает нянюшка. Уже старенькая, подслеповатая, но любимая. Верный хранитель нехитрых тайн двенадцатилетней хозяйки комнаты с розовыми шторами. Девочка со странным именем Соломонида (по-домашнему — Соля, Соль, иногда даже — Солонка, но она никогда не обижается) лежит сейчас без сна под теплым одеялом. Она подозревает, что как раз сейчас в темной гостиной собрались на ночное бдение все домовые квартала. Девочка не очень верит в домовых, но иногда так хочется, чтобы они были...

За гостиной — папин кабинет. Папа — знаменитый изобретатель. Он сейчас в отъезде. Война, и он, генерал, почти не бывает дома. Мама говорит, что папины новые пушки вгонят ее в гроб скорее тевтонов... Но это она так шутит.

Потом — библиотека, потом — комнаты старших братьев. Обе пусты. Миша уже три года на фронте, штабс-капитан, полный георгиевский кавалер, получил от государя золотое оружие за храбрость... Алеша только-только закончил юнкерское училище и тоже воюет... Как хотелось бы девочке оказаться рядом с ними! Сестрой милосердия... вынести с поля боя... спасти...

Трое старших сестер тоже не всегда ночуют дома. Елена, вторая после Миши, — доктор и все время в госпитале, врачует раненых. Таня и Наташа, двойняшки, еще учатся, тоже на докторов. И все время подле старшей. А у Елены есть и жених! Полковник Кутепов. Девочке Соле он очень нравится. Тоже воюет... Ах, ну когда же кончится эта глупая война! Чтобы все снова собрались в огромной гостиной... И чтобы было Рождество...

А еще в квартире есть мама. Совсем рядом, по другую сторону от детской. Там у нее будуар, полный самых-самых удивительных штуквин. Среди них — маленькая часовенка, самая настоящая, освященная митрополитом... Мама очень набожна. А вот она, Соль, не слишком. Ведь если бы и впрямь был добрый Боженька, разве позволил бы он, чтобы папу и брата Ксени, лучшей подружки, соседки по парте, убили бы в один и тот же день? Ксения после этого стала совсем-совсем седой, точно древняя Маланья, побирушка на паперти...

Девочка Соль лежит без сна. За окнами, что заклеены на зиму вошеной бумагой, уныло стучит дождь. Мерцает лампадка. За стеной похрапывает нянюшка. А Соль крепко помнит тревожные глаза мамы... и сухой, надтреснутый голос Елены, когда та ненадолго заскочила домой перед ночным дежурством:

— Они вот-вот взбунтуются... Мама, наверняка будут погромы.

Забери Сольку, и перебирайтесь к нам. Госпиталь все ж... много офицеров... А у них — оружие...

— Господь не допустит... — жалобно возражает мама, и девочка Соль знает, что дело плохо.

— Господь помогает тем, кто сам себе помогает, — хмуро бросает Елена. — Андрея, работника, отошли. А то не ровен час...

Мама молча кивает. После того как Ленка танцевала с самим государем на балу, устроенном для лучших докторов и сестер милосердия, мама преисполнилась к ней неимоверного уважения.

— Я наш дом не брошу, — тихо говорит мама, и Соль вздрагивает. Когда у мамы такой голос, это значит, что от своего она не отступит. Лена это тоже знает.

— Я постараюсь... прислать кого-нибудь из друзей... — все так же хмуро роняет она и уходит в сыплющую дождем ночь. Ей нельзя задерживаться. Докторов не хватает, и раненый может умереть, если она опоздает...

И девочка Соль слышит, как мама молится.

А потом приходят трое друзей Лены. Трое офицеров — поручик, капитан и уже немолодой грузноватый полковник. Семеновна поит их горячим чаем со своими неподражаемыми пирогами, вполголоса ругая каких-то бунтовщиков... Сейчас все трое гостей дремлют, не раздеваясь, в буфетной. И Соль помнит, как седой полковник, чем-то неуловимо похожий на папу, церемонно целует маме руку и негромко говорит ей (он не хочет, чтобы Соль слышала, но у нее такой острый слух!):

— Княгиня, мы отсюда не уйдем. Пусть эта мразь только сунется. Ваша дочь спасла жизни... всем нам, и мы будем стоять на пороге вашего дома, как стояли в предместьях Варшавы...

Девочка Соль ждет. Она не боится. Боишься — это когда не знаешь, что произойдет. Она же каким-то чудом знает все. И потому совсем не пугается, когда на улице внезапно начинают сухо трещать выстрелы.

В буфетной вскакивают на ноги офицеры. Заохала, просыпаясь, нянюшка за стеной. А девочка Соль отбрасывает одеяло и бежит к окну. В детской не простое окно, а эркер; и виден весь Большой проспект...

Из дождливой тьмы возникают люди. В черных бушлатах, кургуzych шинелях, вовсе в лохмотьях... У них в руках — винтовки. И они очумело палят во все стороны... «Не жалеют патронов», — как сказал бы Зверобой.

И девочка Соль знает, что сейчас такие же точно промокшие, пахнувшие отвратительной дешевой махоркой люди, грязные и страшные, идут по Знаменской и Большой Зеленина, Гатчинской и Лахтинской, по прочим мелким улицам Петроградской стороны.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Перумов, П. Каминская. ПОСРЕДНИК. Роман

Пролог 7

ЧАСТЬ I

Интерлюдия I 10

Интерлюдия II 24

Глава первая

САША 29

Глава вторая

СВЕТА 37

Глава третья

ИГОРЬ 44

Интерлюдия III 55

Интерлюдия IV 78

ЧАСТЬ II

Интерлюдия V 84

Глава четвертая

САША 89

Глава пятая

СВЕТА 94

Интерлюдия VI 104

Глава шестая

САША 113

Интерлюдия VII 116

919

ЧАСТЬ III

Глава седьмая	
ИГОРЬ	125
Глава восьмая	
САША	132
Глава девятая	
СВЕТА	137

ЧАСТЬ IV

<i>Интерлюдия VIII</i>	145
Глава десятая	
СВЕТА	155
<i>Интерлюдия IX</i>	164
Глава одиннадцатая	
ИГОРЬ	168
Глава двенадцатая	
САША	177
<i>Интерлюдия X</i>	
СЛЕДОМ ЗА ЮРИЕМ	198
Глава тринадцатая	
СВЕТА	260
<i>Интерлюдия XI</i>	
СЛЕДОМ ЗА СВЕТОЧКОЙ	263
Глава четырнадцатая	
ЮРА. СВЕТА. ИГОРЬ. САША. ВИТАЛИЙ	300
<i>Интерлюдия XII</i>	304
Эпилог	309

Н. Перумов, П. Каминская. ОДИН НА ОДИН. Роман

Пролог	317
------------------	-----

Часть I

ВЫБОРГСКИЕ КРЫСОЛОВЫ

Глава первая	
МИША	321
Глава вторая	
СССР	330

Глава третья	
СОКРОВИЩА МАДАМ ПЕТУХОВОЙ	338
Глава четвертая	
СССР	345
Глава пятая	
МИША	357
Глава шестая	
САША	373
Глава седьмая	
СССР	385
Глава восьмая	
МИША	398

Часть II
ОДИН НА ОДИН

Глава первая	
САША	410
<i>Интерлюдия I</i>	424
Глава вторая	
СВЕТА	432
Глава третья	
САША	452
<i>Интерлюдия II</i>	465
Глава четвертая	
САША	495
<i>Интерлюдия III</i>	505
<i>Продолжение интерлюдии</i>	550
Эпилог	587

П. Каминская. ОПЕРАЦИЯ «АНТИИРОД». Роман

Пролог	591
------------------	-----

Часть I
ДЕЖАВЮ

<i>Интерлюдия I</i>	594
Глава первая	
ЮРИЙ АДОЛЬФОВИЧ	615

Глава вторая	
ИГОРЬ	633
<i>Интерлюдия II</i>	641
<i>Интерлюдия III</i>	663
Глава третья	
СВЕТА	674
Глава четвертая	
САША	689

**Часть II
В ПЕТЛЕ**

Глава первая	
ИГОРЬ	694
<i>Интерлюдия IV</i>	695
<i>Интерлюдия V</i>	701
Глава вторая	
САША	707
Глава третья	
СВЕТА	716
Глава четвертая	
ИГОРЬ	734
<i>Интерлюдия VI</i>	746

**Часть III
НОВЫЙ ИРОД**

Глава первая	
ИЛОНА	785
<i>Интерлюдия VII</i>	789
Глава вторая	
САША	797
Глава третья	
СВЕТА	804
Глава четвертая	
САША	808
Глава пятая	
СВЕТА	816
Глава шестая	
САША	820

Глава седьмая	
СВЕТА	823
Глава восьмая	
САША	827
Глава девятая	
ИГОРЬ	830
<i>Интерлюдия VIII</i>	835
<i>Интерлюдия IX</i>	875
<i>Интерлюдия VIII (продолжение)</i>	884
<i>Не глава и не интерлюдия</i>	
ОБЩИЙ СБОР	895
Эпилог	917